

КИНО: ГРАЖДАНЕ МИРА

Марианна ГРОВЗ:

10 дней в России

— вполне достаточно, чтобы понять, что этого недостаточно

Жила-была во французском заштатном городишке девушка-почтальон по имени Мадо. Толстая наивная дурнушка с распахнутыми глазами, неуклюжими движениями и чудными манерами. Классическая заброшенная сирота с отчаянной мечтой выйти замуж — чтобы стать женщиной и быть кому-нибудь нужной...

Это кино — «Мадо, до востребования» — наделало достаточно шума. Режиссерский дебют всем в России известного художника, сценариста и актера Александра Адабашьяна. Его первое собственное дело после разрыва с Никитой Михалковым. Один из первых фильмов, снятых нашим соотечественником за границей, на французские деньги, с французскими актерами. Попавший сразу же в Канн, несмотря на — или благодаря (?) — неизвестность продюсера (Муза Туринцева), режиссера, актрисы... Фильм-вызов, фильм-сюрприз. И — как итог — приз секции «Перспектива» Каннского кинофестиваля...

Вполне понятно, что такую «Мадо» очень ждали в России. Прошедшие почти два года в ограниченном, но стойком прокате (фирма «Инициатива») показали: девушку Мадо у нас считают вполне своей. Родной. Русской, армянской или хохлушкой — неважно, кому как ближе. Мне, например, все время хочется называть ее просто Машей. Что ж удивительного в том, что Марианна Гровз приехала в Россию? Ее ждали...

Высокая яркая брюнетка с роскошной улыбкой и развевающимися волосами. Отнюдь не толстушка и не дурнушка. Сгормительная и непосредственная, раскованная и непринужденная, хохочущая и поющая, целующая и танцующая... Вихрь, а не женщина — вихрь эмоций, слов, вопросов, реакций, любопытства и восхищения...

— Мадо — моя самая крупная и красивая роль в кино до сих пор. Работа над ней превратила меня в избалованного ребенка. Я стала более требовательна к тому, что мне предлагают. Теперь я жду роли такого же уровня, как эта, чтобы остаться актрисой не только в собственных глазах.

После Мадо у французов я до 35 лет буду ходить в толстых дурнушках. Мне уже предлагают аналогичные роли, но без Адабашьяна это невозможно... Для Франции моя внешность слишком специфична, и если не произойдет чуда, мне останется только театр.

— Вы знаете, что ваша героиня невероятно нравится в России?

— Очень важно, что Мадо здесь восприняли гораздо лучше, чем во Франции (я имею в виду людей, а не критику). Если «Мадо» ставил бы классический, коммерческий, французский режиссер, то персонаж мой превратился бы в ограниченное смеотворное существо. Больше всего меня удивляет, что французы тем не менее воспринимают «Мадо» как французский фильм, а русские — как русский.

Мне кажется, в «Мадо» особенно красивым взгляд русского на французский быт. Пристальный, изучающий, но сторонний. Ведь со стороны все видится точнее, тем более если смотреть без предвзятости... Фильм, сделанный французом, был бы менее интересен.

— Как в вас увидели Мадо?

— Александр Адабашьян: Ничего романтического в нашей

встрече не было. Я долго искал актрису, и мне случайно показали кассету Марианны: ее клоунский номер в театральной школе — хулиганскую, лихую, свободную, стопроцентную клоунду. Это меня сломало.

Марианна: Знаете, как мы делали последнюю пробу? В конце концов Саша крикнул: «Отлично! Это очень плохо!»

Он взял меня на роль как необработанный камень...

А. Адабашьян: Глыбу...

— Кто для вас Александр Адабашьян?

— Я нашла в Саше своего. Это мой мэтр, мой мастер, мой очень близкий друг. Великолепный артист и режиссер. Саша — тот человек, который знает и понимает меня лучше, чем я сама. Он до меня увидел, куда мы можем прийти с этим персонажем. Он именно то, что я всегда ожидаю от режиссера: постоянное и взаимное удивление. Наверное, Саше приходится глубоко думать, чтобы меня удивлять мною самой...

— Каково вам было играть с Олегом Янковским — не только звездой, но и президентом целого фестиваля?

— Хорошо, что я тогда не знала, какой Олег великий актер — испугалась бы. Но он ни разу не дал это почувствовать.

И только приехав в Сочи, я все поняла и была потрясена его великодушием и простотой. Ведь я только начинаю карьеру...

Что изумительно красиво в работе Олега, что его герой — никто. Он-то думает, что великая личность, а на самом деле... В своем персонаже Олег собрал все человечество, и меня это восхищает. Олег совсем не говорил по-французски, но мы пользовались на съемках особым русско-итало-французско-ручно-грудным диалектом. И даже импровизировали, несмотря на языковой барьер. Он очень щедрый актер...

— Кто же вы, Марианна Гровз? Кто вы и откуда?

— Я родилась в Канаде, в Ванкувере. Но моя мать французка, и мы вернулись во Францию, раз 15 переезжали по ней, пока не добрались до Парижа. А оттуда я уже никуда не уеду...

— Как живете?

— Вообще-то я — веселый работяшок. Уже 7 лет как стала профессиональной актрисой. Во Франции это значит только одно — живешь работой.

У меня всегда много разных проектов. Помогаю подруге, которая делает театр с трудными подростками-хулиганами из предместий Парижа, — пишу для них пьесы. Есть и музыкальные проекты с одной английской группой.

Я давно мечтаю стать режиссером. Обожаю актеров и очень люблю с ними работать: мне нравится вставлять эмоции в движущиеся картинки. Режиссура дает возможность говорить раз-

ные вещи, а не только те, что мне как актрисе даны нынешним репертуаром...

Готовлюсь к постановке полицейской пьесы по английскому роману молодого рок-н-рольного автора. Это отнюдь не классика, и мои 11 актеров не будут скованы жанром. С помощью движения, песен, брейка и даже кунфу мы хотим напомнить зрителю о существовании во Франции фашизма и высмеять его.

В театре я больше люблю репетировать, искать, чем играть. Как-то пришлось целый год играть одну и ту же пьесу — еле выдержала!

В театр хожу часто, особенно когда меня приглашают. Часто там же скучаю — слишком многое успело устареть на сцене.

— А в кино ходите?

— Кинозритель я неорганизованный. Мною не движет страсть к определенной кинематографической культуре. Когда устаю — хожу на огромные тупые американские суперфильмы... Готова пойти и на «Сибирских австралопитеков», если меня убедят, что это интересно. В кино я реагирую не памятью, а эмоциями. И так мощно, что благодаря трем любимым фильмам я стала актрисой.

— Каким же?

— «Все о Еве» Джозефа Манкевича, «Поющие под дождем» Джина Келли и «Down by law» Джима Джармуша. Джармуша я видела уже 6 раз, а «Поющие под дождем» — мой первый фильм с детства, только песни я слышала раз 250...

— Какова Марианна Гровз в жизни?

— Я всегда говорю, что Мадо — моя младшая сестра. Она очень похожа на меня в 16 лет. С той только разницей, что я не родилась в деревне и у меня другие отношения с мужчинами. Но Мадо, как и я когда-то, считает, что все люди — добрые и хорошие. Только я за это уже расплатилась...

Я мечтаю снова сняться в кино. Но с хорошим режиссером и партнерами. Чтобы при слове «Мотор!» возник такой внезапный волшебный момент, когда разбиваются все привычки и привычности...

— Как вы живете, когда не работаете?

— Я живу как хочу, и это большая привилегия. Мне интересны люди и неинтересны обманщики. Люблю танцевать, смеяться, есть, путешествовать, обожаю сюрпризы.

— Ваши танцы с Александром Башировым взбудоражили воображение сочинской публики. Ваша песня «Сочи черные» очаровала, кажется, всех без исключения. Говорят, что по ночам вы совершаете головокружительные прогулки по пляжу с гитарами, плясками и чуть ли не цыганами в компании Александра Адабашьяна, Сергея Соловьева, Олега Янковского, Александра Кайдановского...

— Для меня всегда важно было думать, что я приеду к вам и увижу этих людей. В русских есть щедрость, размах, есть огромное воображение — как будто все возможно, дорога широка и все принадлежит вам.

Я буду очень воображать, когда вернусь в Париж: ведь все русские кинозвезды — мои настоящие друзья. К тому же я мечтаю сняться в России — тем более если я действительно вам так нравлюсь, почему бы нет? Я могу играть на любом языке...

За эти несколько дней в Москве и Сочи я успела почувствовать главное: я оставалась здесь достаточно, чтобы понять, что этого — недостаточно!

Л. ДЗЮБЕНКО.